Публичная дипломатия США как фактор трансформации внешнеполитических ориентаций Казахстана и Узбекистана

Толстых Ангелина Игоревна
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, 5557090@mail.ru

Публичная дипломатия США в Центральной Азии на протяжении трёх десятилетий выступала одним из факторов трансформации внешнеполитических ориентаций Казахстана и Узбекистана. При этом в научной литературе преобладает описание инструментов «мягкой силы», тогда как механизмы институциональной социализации и их долгосрочные эффекты остаются недостаточно разработанными. В данной статье проводится анализ американской публичной дипломатии как системы формирования нормативной и кадровой инфраструктуры, влияющей на параметры внешнеполитического выбора государств региона. Целью исследования является выявление того, каким образом правовые рамки, грантовые и образовательные программы, медийные и экспертные сети способствовали изменению управленческого дискурса и моделей стратегического планирования в Казахстане и Узбекистане. Рассматриваются законодательные основы политики США в регионе, программы USAID, образовательные инициативы, форматы С5+1 и инфраструктура общественного дискурса. Отдельное внимание уделяется реформе USAID 2025 года как структурному перелому в модели американского присутствия и возможным обратным эффектам ранее осуществлённой институциональной социализации. В результате автор обосновывает тезис о переходе от распределённой грантовой модели публичной дипломатии к более централизованной и селективной геополитической конфигурации, а также формулирует вывод о латентной устойчивости нормативного влияния, сформированного в предшествующий период.

Ключевые слова: публичная дипломатия, США, Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, мягкая сила.

Публичная дипломатия США в отношении Казахстана и Узбекистана в постсоветский период не исчерпывается совокупностью культурно-гуманитарных инициатив, ведь она формировалась как длительный процесс институциональной социализации, в ходе которого создавалась инфраструктура, способная изменять параметры внешнеполитического самоопределения республик.

Первые элементы этой конструкции закреплялись уже в начале 1990-х годов. Принятие в США Freedom Support Act в 1992 г. задало правовую рамку, в пределах которой поддержка постсоветских государств связывалась с проведением рыночных реформ, демократизацией и соблюдением прав человека. Silk Road Strategy Act 1999 г., а затем его обновление в 2006 г., дополнили эту рамку геоэкономическим измерением: Центральная Азия рассматривалась как пространство транспортной и энергетической переориентации, где диверсификация маршрутов должна была снижать зависимость от России и Ирана. Как указывает С. Адайкызы, «процесс оформления концептуальных основ взаимоотношений шел поступательно и за 30 лет сотрудничества была создана прочная многоаспектная политико-правовая база, способствующая укреплению казахстанско-американского стратегического партнерства по широкому спектру отношений» [2, с. 330].

Для Казахстана, обладающего крупными запасами углеводородов, это означало институциональное закрепление участия в проектах, ориентированных на западные рынки, включая сотрудничество с американскими энергетическими корпорациями и финансовыми институтами. Для Узбекистана, чья география связывала регион с Афганистаном и Южной Азией, подобные документы формировали предпосылки включения в транзитные и инфраструктурные схемы, поддерживаемые Вашингтоном.

Институционализация продолжалась и в последующие десятилетия.

Стратегия США по Центральной Азии 2019–2025 гг. закрепила приоритеты суверенитета, экономической устойчивости, реформ государственного управления и региональной кооперации. В ней акцентировались такие категории, как accountability, transparency, rule of law, regional connectivity [3, с. 23]. Эти понятия постепенно переходили из внешнеполитических документов США в тексты национальных программ реформ Казахстана и Узбекистана. В Казахстане дискурс модернизации государственного управления сопровождался расширением антикоррупционных инициатив, реформированием судебной системы, цифровизацией административных процедур. В Узбекистане после 2017 г. были приняты решения о реформировании МИД, обновлении законодательства о международных договорах, запуске программ либерализации экономики [4].

При всей автономности этих процессов их понятийный аппарат демонстрирует сопряжённость с американскими управленческими моделями. Кадровая социализация стала вторым измерением этой динамики.

В Казахстане программа «Болашак», запущенная в 1993 г., обеспечила подготовку более десяти тысяч специалистов в зарубежных университетах, значительная часть которых обучалась в США и странах Западной Европы [7]. Возник слой управленцев и экспертов, для которых английский язык и западные методики анализа стали

профессиональной нормой. Эта прослойка заняла позиции в государственных структурах, квазигосударственном секторе и аналитических центрах.

В Узбекистане, где подобные программы в 1990-е годы носили ограниченный характер, интенсивность образовательных контактов возросла после смены руководства в 2016 г. и активизации сотрудничества с американскими университетами и фондами [5].

Параллельно действовали грантовые и обменные программы США. FLEX обеспечивал ежегодное обучение школьников в американских семьях и школах, формируя раннюю культурную адаптацию к американской образовательной среде. Community Solutions Program ориентировалась на профессионалов среднего уровня, вовлекая их в стажировки по вопросам местного управления и развития сообществ. USAID и NED финансировали проекты в сфере good governance, поддержки СМИ, развития гражданского общества. Военные программы IMET создавали каналы подготовки офицерского состава, знакомого с американскими стандартами планирования и взаимодействия. Как указывает М. С. Саттарова, «США проводят свою политику «мягкой силы» в Казахстане в рамках культурно-образовательных проектов, основываясь на распространении либеральных ценностей, продвижении английского языка, торгово-экономического сотрудничества, сферы здравоохранения» [8, с. 105].

Эти механизмы не ограничивались передачей навыков.

Они способствовали формированию нового когнитивного кода, в рамках которого категории риска, безопасности и региональной кооперации оценивались через призму трансатлантических концепций.

Университетские филиалы усилили этот эффект. Открытие в 2022 г. филиала University of Arizona на базе Северо-Казахстанского университета им. Козыбаева с возможностью получения двойного диплома стало институциональным закреплением американского образовательного присутствия. Подобные проекты интегрируют местные вузы в западные академические сети. Как отмечают В. Л. Тихонова и О. И. Закутнов, «в связи с этим увеличивается количество прозападных НКО и разного рода американских организаций на территории Казахстана» [9, с. 174].

Инфраструктура общественного дискурса дополняет кадровую трансформацию. American Spaces, функционирующие в Казахстане с 2003 г., представляют собой площадки, где образовательные и культурные мероприятия сочетаются с продвижением предпринимательских и научно-технических инициатив. Десять таких центров в различных городах страны формируют устойчивую сеть локальных сообществ, ориентированных на англоязычное взаимодействие. Медиаплатформы, включая RFE/RL («Азаттык»), грантовую поддержку журналистских проектов и активность посольств в социальных сетях, создают альтернативное поле интерпретации региональной политики. Как подчеркивает Г. И. Юлдашева, «текущее углубление и расширение американо-узбекских отношений указывает на то, что идёт подготовка почвы для нового этапа двусторонних взаимоотношений» [10, с. 57].

Афганский фактор, отношения с Россией и Китаем, вопросы энергетической безопасности обсуждаются в терминах, которые коррелируют с американской стратегической повесткой.

Сравнение Казахстана и Узбекистана позволяет выявить различие траекторий. Казахстан демонстрировал постепенную нормативную интеграцию при сохранении многовекторной риторики. Подписание более семидесяти двусторонних соглашений с США, участие в программах военного сотрудничества после 2001 г., объём прямых американских инвестиций, превышающий несколько десятков миллиардов долларов, создавали плотную сеть связей, не отменяя партнёрства с Россией и Китаем[1].

Узбекистан же до 2016 г. придерживался более осторожной линии, однако после реформ 2017 г. наблюдается ускоренное сближение с США в рамках формата С5+1, активизация сотрудничества по афганской повестке и расширение образовательных контактов. Реформирование внешнеполитического ведомства и обновление законодательной базы сопровождались включением в дискурс тех же категорий governance и connectivity, которые ранее закреплялись в американских стратегиях [1].

Реформа USAID в 2025 г. выводит анализ публичной дипломатии США в Центральной Азии из привычной парадигмы экспансии в плоскость институционального разрыва. На протяжении трёх десятилетий агентство функционировало как распределённый механизм внешнеполитического присутствия, соединявший грантовые программы, поддержку государственного управления, образовательные инициативы, проекты в сфере здравоохранения и развитие медиасреды. Замораживание зарубежной помощи на 90 дней в январе 2025 г., последующее сокращение 5800 долгосрочных контрактов на 92% (54 млрд долл.), увольнение 1600 сотрудников в США и отправка большинства остальных в вынужденный отпуск изменили не столько объём ресурсов, сколько саму архитектуру принятия решений[2].

Передача функций Госдепартаменту, фактическое подчинение USAID внешнеполитическому ведомству и закрытие штаб-квартиры в Вашингтоне обозначили переход от сети относительно автономных грантовых операторов к централизованной модели, где распределение помощи становится частью прямой дипломатической и геополитической логики.

Эта бюрократическая трансформация имеет несколько измерений. Прежняя модель опиралась на множественность каналов: региональные офисы, партнёрские НКО, консалтинговые структуры, университетские центры. Финансирование распределялось через долгосрочные контракты, обеспечивая институциональную устойчивость получателей. Сокращение контрактной базы фактически размывает эту сеть.

Централизация в рамках Госдепартамента означает, что международная помощь перестаёт быть преимущественно инструментом развития и встраивается в систему оперативных внешнеполитических приоритетов. Это усиливает политизацию проектов и сокращает пространство для долгосрочных программ, ориентированных на постепенную институциональную трансформацию.

Для Казахстана и Узбекистана последствия подобной перестройки неоднозначны. В краткосрочной перспективе сокращение финансирования может ослабить грантовую инфраструктуру НКО, действовавших в сфере прав человека, медиа и местного самоуправления. Проекты по поддержке журналистских расследований, образовательные обмены и программы повышения квалификации управленцев, ранее опиравшиеся на стабильные гранты, сталкиваются с неопределённостью.

В Узбекистане, где после 2017 г. наблюдалось расширение сотрудничества по линии реформ государственного управления и афганской повестки, приостановка от-

[1] Что такое USAID и чем занимается Агентство США по международному развитию. https://www.rbc.ru/base/10/02/2025/67a9c7e09a7947217927691c

[2] В США заявили о начале процедуры закрытия USAID. https://realnoevremya.ru/news/353069-v-ssha-zayavili-o-nachale-procedury-zakrytiya-usaid

дельных инициатив способна замедлить институциональные контакты. В Казахстане, где действовали American Spaces и реализовывались программы STEM и предпринимательского наставничества, снижение ресурсной базы может привести к сокращению активности в регионах [6].

Однако одностороннее ожидание ослабления американского влияния было бы упрощением. В регионе уже сформированы сети акторов, получивших образование и профессиональный опыт в рамках предыдущих программ. Часть из них интегрирована в государственные структуры, аналитические центры и частный сектор. Их управленческий язык, способы оценки рисков и представления о региональной безопасности не зависят от текущего объёма грантов. Таким образом, кризис USAID не обязательно означает исчезновение нормативного присутствия США. Он может перевести его в латентную фазу, где воспроизводство западных стандартов осуществляется через локальные институты без прямого финансирования. Институциональная социализация, начатая в 1990-е годы, создаёт эффект инерции.

Параллельно возникает пространство для перераспределения влияния. Сокращение американских программ открывает возможности для активизации других центров силы. Китай продолжает расширять инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Пояс и путь», Турция усиливает культурно-образовательное присутствие через университетские и религиозные фонды, Европейский союз предлагает программы технической помощи и цифровой трансформации.

Россия сохраняет гуманитарные и образовательные каналы, включая филиалы вузов и работу Россотрудничества. В этих условиях внешнеполитическая ориентация республик может приобретать более гибкий характер, основанный на диверсификации партнёров.

Одновременно реформа USAID стимулирует переосмысление американской стратегии. Если в 1990–2024 гг. публичная дипломатия строилась на сочетании материальных стимулов и образовательной социализации, то после 2025 г. вероятен переход к более селективной модели.

Сокращение долгосрочных программ развития может сопровождаться усилением направлений, связанных с безопасностью, контролем энергетических маршрутов и ограничением китайского присутствия. Централизация в рамках Госдепартамента облегчает интеграцию помощи в стратегические пакеты, адресованные конкретным геополитическим задачам. В Центральной Азии это может означать усиление внимания к вопросам пограничной безопасности, транзита через Афганистан и диверсификации экспортных маршрутов углеводородов.

Таким образом, публичная дипломатия США в 1991–2024 гг. выступала механизмом институциональной социализации, формирующей ориентиры и кадровую инфраструктуру, способную воспроизводить определённый тип внешнеполитической рациональности. Институциональный кризис USAID сегодня не сводится к сокращению бюджета. Он трансформирует характер американского присутствия: от распределённой модели нормативного встраивания к централизованной системе, тесно связанной с оперативными внешнеполитическими целями. Для Казахстана и Узбекистана это создаёт ситуацию двойственной адаптации. С одной стороны, уменьшается ресурсная подпитка гражданского сектора, ранее вовлечённого в грантовые сети. С другой — уже сформированная кадровая и нормативная база продолжает функционировать, сохраняя элементы прежней ориентации. Внешнеполитическая рациональность республик в этих условиях определяется не столько объёмом текущего финансирования, сколько накопленным институциональным опытом и способностью перераспределять внешние связи в пользу наиболее выгодных партнёров.

Литература

1. Аватков В. А., Рожкова З. П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 825-834.
2. Адайкызы С. Концептуальные основы развития отношений Казахстана и США // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 3. С. 330-340.
3. Александров С. Н. Конгресс США и американское содействие экономическому развитию Казахстана в 1990-е гг // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 4. С. 23-34. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-4-23-34.
4. Гегелашвили Н. А., Модникова И. В. Узбекистан и Казахстан - фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 5. С. 51-68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0.
5. Карпович О. Г., Шангараев Р. Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 65-72. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-65-72.
6. Козлов Г. В. Прикладной анализ влияния на Казахстан политики «мягкой силы» США, РФ и КНР // Постсоветский материк. 2020. № 1(25). С. 33-74.
7. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 1. С. 65-81. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81.
8. Саттарова М. С. Особенности политики «мягкой силы» США в Республике Казахстан // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3(37). С. 105-116.
9. Тихонова В. Л., Закутнов О. И. Деятельность США и России по связи с общественностью в Казахстане как фактор распространения идеологического влияния в регионе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3(59). С. 174-186. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-59-3-174-186.
10. Юлдашева Г. И. Узбекистан - США: новый этап стратегического партнёрства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 2. С. 57-72. DOI: 10.31857/S2686673022020043.

US public diplomacy as a factor in the transformation of the foreign policy orientations of Kazakhstan and Uzbekistan

Tolstykh A.I.
Saint Petersburg State University

For three decades, US public diplomacy in Central Asia has been one of the factors in the transformation of the foreign policy orientations of Kazakhstan and Uzbekistan. At the same time, the scientific literature is dominated by the description of "soft power" tools, while the mechanisms of institutional socialization and their long-term effects remain insufficiently developed. This article analyzes American public diplomacy as a system for the formation of a regulatory and personnel infrastructure that influences the parameters of the foreign policy choice of the states of the region. The purpose of the study is to identify how the legal framework, grant and educational programs, media and expert networks have contributed to changing managerial discourse and strategic planning models in Kazakhstan and Uzbekistan. The article examines the legislative foundations of US policy in the region, USAID programs, educational initiatives, C5+1 formats, and the infrastructure of public discourse. Special attention is paid to the USAID reform in 2025 as a structural change in the model of the American presence and possible reverse effects of previously implemented institutional socialization. As a result, the author substantiates the thesis of the transition from a distributed grant model of public diplomacy to a more centralized and selective geopolitical configuration, and also formulates a conclusion about the latent stability of the regulatory influence formed in the previous period.

Keywords: public diplomacy, USA, Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, soft power.

References

1. Avatkov V. A., Rozhkova Z. P. Conceptual foundations of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan at the present stage // Post-Soviet studies. 2022. Vol. 5. No. 8. pp. 825-834.
2. Adaikizy S. Conceptual foundations of the development of relations between Kazakhstan and the USA // Post-Soviet studies. 2022. Vol. 5. No. 3. pp. 330-340.
3. Alexandrov S. N. The U.S. Congress and American assistance to the economic development of Kazakhstan in the 1990s // History and modern worldview. 2021. Vol. 3. No. 4. pp. 23-34. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-4-23-34.
4. Gegelashvili N. A., Modnikova I. V. Uzbekistan and Kazakhstan - the focal states of Central Asia in Washington's policy // USA and Canada: economics, politics, culture. 2021. Vol. 51. No. 5. pp. 51-68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0.
5. Karpovich O. G., Shangaraev R. N. Central Asia in the context of modern geopolitics in the Eurasian space // Socio-political Sciences. 2021. Vol. 11. No. 6. pp. 65-72. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-6-65-72.
6. Kozlov G. V. Applied analysis of the influence of the "soft power" policy of the USA, Russia and China on Kazakhstan // Post-Soviet continent. 2020. No. 1(25). pp. 33-74.
7. Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Features of the US foreign policy towards the Central Asian states // Problems of the post-Soviet space. 2021. Vol. 8. No. 1. pp. 65-81. DOI: 10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81.
8. Sattarova M. S. Features of the US "soft power" policy in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2023. No. 3(37). pp. 105-116.
9. Tikhonova V. L., Zakutnov O. I. Public relations activities of the USA and Russia in Kazakhstan as a factor of spreading ideological influence in the region // Bulletin of the Kalmyk University. 2023. No. 3(59). pp. 174-186. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-59-3-174-186.
10. Yuldasheva G. I. Uzbekistan - USA: a new stage of strategic partnership // USA and Canada: economics, politics, culture. 2022. No. 2. pp. 57-72. DOI: 10.31857/S2686673022020043.